

Г. И. Ломидзе

Проблемы творческого взаимодействия литератур народов СССР

Советская литература — это многоязычное содружество различных национальных литератур, объединенных общностью цели, единством общественных и моральных побуждений.

Сила метода социалистического реализма выражается в том, что он не гасит национальных красок, не убивает национальных форм, сложившихся исторически и особенно ярко проявивших себя в наше время. Метод социалистического реализма способствует отбору лучших сторон в национальном литературном наследии, придает им новое звучание.

Особенности развития национальных культур в Советском Союзе сказываются в расцвете всех национальных культур как более развитых, так и менее развитых. Резкая разница в степени зрелости между национальными культурами, обусловленная историческими причинами, заметно ослабевает. Происходит рост национальных культур всех народов нашей страны. Младописьменные литературы, такие, как киргизская, мордовская, каракалпакская и другие, развиваются стремительно. В сжатые исторические сроки они достигают такой художественной зрелости и глубины, что становится подчас почти незаметным отсутствие у них классических письменных традиций. Условия советской жизни являются первоосновой для ускоренного созревания творческих сил народа, беспрепятственного развертывания его нравственных сил, его мощи и таланта.

Процесс взаимного общения отдельных национальных культур происходил и в условиях царской России. Преодолевая преграды, воздвигаемые правящими кругами и идеологией господствующих классов, демократические национальные культуры находили друг друга. В Советском Союзе открылись широчайшие возможности для качественно новых взаимных связей и сближения национальных культур. Сама структура советского общественного устройства, основанная на крепчайшей и надежной дружбе народов, на постоянном доверии и уважении к таланту, уму, большим возможностям даже самого малочисленного народа, создает прочные основы для тесного сближения и подлинного единства культур социалистических наций. Силой, вдохновляющей и организующей советские народы, является КПСС, чей мудрый разум неизменно направлял развитие социалистических наций по пути единения, по ленинскому пути пролетарского интернационализма. Дружба между народами порождает потребность узнать друг друга лучше, приобщиться к духовным ценностям каждого из народов. Взаимное узнавание всегда бывает радостным, обоюдно-поучительным. В условиях развернутого коммунистического строительства сближение культур, непрерывный об-

мен мыслями, эстетическим опытом становится движущей силой общелитературного развития, необходимой предпосылкой совершенствования и приумножения национальных культурных завоеваний.

В дружбе и единстве литератур огромное значение имеют переводы лучших произведений национальных писателей на русский язык. Посредством этих переводов достижение одной национальной культуры становится достоянием всех советских национальных культур, получает международный резонанс.

Формы и способы взаимных связей национальных литератур поистине неисчерпаемы. Интересы развития многонациональной советской литературы требуют всемерного расширения и углубления этих связей, их разнообразия. Наша многонациональная литература вступила в такую фазу своего существования, когда тесные творческие контакты между литературами всех братских народов приобретают значение одного из основных движущих факторов общесоветского литературного процесса.

Вопросу о взаимных связях и взаимодействии национальных литератур большое внимание было уделено на III Всесоюзном съезде советских писателей. В выступлениях ряда делегатов (В. Лукса, И. Анисимова, Н. Чуковского, Г. Леонидзе, П. Хузангая и др.) правильно подчеркивалось, что многонациональный характер нашей литературы за время между съездами проявлялся все отчетливее в формах эстетического их взаимопроникновения. Подлинное и глубочайшее творческое взаимодействие на основе утверждения и дальнейшего развития всего богатства национального своеобразия, — так были сформулированы особенности развития советской литературы на современном этапе.

Нельзя сказать, что мы бедны литературой о взаимосвязях. Только значению опыта Горького и Маяковского для развития художественной культуры социалистических наций посвящены десятки книг и монографий. Назову лишь некоторые из них: это работы В. Ивашина, Л. Новиченко, К. Зелинского, Э. Сокола, Г. Овнана, К. Петросова, М. Гаинулина, М. Пархоменко, Д. Самаганова, А. Николадзе, М. Арифа, К. Умбрасаса, А. Салахьяна, Р. Григоряна и др.

Книги эти и статьи разного масштаба, неодинаковой теоретической глубины и насыщенности. Есть в них мысли верные, плодотворные, есть и спорные, недостаточно обоснованные. Но в целом работы эти заслуживают внимания.

Появление множества книг о Горьком и Маяковском не случайно. Опыт Горького и Маяковского имеет всемирное значение, является образцом сочетания социалистической идейности, глубины человекопознания с художественной мощью, богатством. Новые качества советской литературы, ее новаторская природа воплощены в произведениях Горького и Маяковского с максимальной силой, приобретая значение примера для других народов. Не случайно, крупнейшие представители литератур народов СССР — Я. Колас, С. Вургун, А. Упит, С. Айни, П. Бажан, А. Акопян, С. Чиковани, Р. Гамзатов и многие другие — с благодарностью отмечают значение русской литературы, значение Горького и

Маяковского для их литературной судьбы. Традиции Горького и Маяковского воспринимают не только те художники слова, которые близки к ним по своим творческим принципам. Горький и Маяковский оказывали воздействие на развитие литературного процесса советских народов, на совершенствование и обогащение художественного мастерства писателей. Конечно, не на всех воздействие Горького и Маяковского было одинаковым. Творчество Горького и Маяковского столь неисчерпаемо многогранно, что обозначение точных ориентиров влияния не всегда представляется возможным. Определение конкретной эстетической сути этого воздействия — трудная исследовательская задача. При выявлении воздействия мы ищем не созвучие частностей, а сталкиваемся со сложным единством усвоенного, с национально самобытным произведением искусства. В таких случаях ясные приметы воздействия трудно уловимы. В произведениях С. Айни, если стать на путь формального анализа, как будто нет броских черт, сходных с горьковскими. Но произведения эти, в особенности «Воспоминания», как о том свидетельствовал сам С. Айни, написаны под сильным воздействием творчества Горького. Оно, это воздействие, чувствуется не в частных эпизодах и второстепенных мелочах, а в главном: в характере познания жизни, в глубине проникновения в социальную психологию людей, в умении увязать движения человеческой души, мысли с большими событиями времени, в способности видеть в простом человеке интеллектуальную мощь и нравственное здоровье, преобразующую мир революционную энергию; в широте, в реалистической достоверности и многоохватности жизненных событий. Именно творческий опыт Горького помог С. Айни стать большим писателем-реалистом, глубоко отразившим жизнь таджикского народа. Примеры подобного рода можно легко умножить.

Творческое воздействие Горького и Маяковского на литературы народов СССР имело большое значение для становления и укрепления в этих литературах реалистических традиций, оказывало им неоценимую помощь. Наследие Горького и Маяковского — вечно живая, не оскудевающая сокровищница социалистического художественного опыта, не ржавеющее, действующее оружие.

Общие связи литератур народов СССР с Горьким и Маяковским довольно подробно и обстоятельно выяснены нашими учеными. Последующая задача заключается в том, чтобы внимательнее рассмотреть конкретное преломление воздействия творчества Горького и Маяковского на советские национальные литературы, изучить благотворные эстетические и исторические результаты этого воздействия.

Мы не приемлем вульгарное, упрощенное толкование значения творчества Горького и Маяковского для развития литературы социалистических наций. Воздействие творческого опыта Горького и Маяковского сказывается не в безропотном следовании за ними, не в подражании, не в воспроизведении сюжетных схем и внешних формальных сторон, не в заимствовании отдельных образных ассоциаций и художественных деталей. Взаимодействие литератур не ограничивается и не может ограни-

читься простым художественным обменом ценностей. Взаимодействие подразумевает создание новых художественных богатств, плодотворное взаимодействие есть обретение нового качества, восхождение на новую вершину.

Освоение не есть прямое следование опыту той литературы, чьи традиции в данном случае осваиваются, оно не есть даже простое видоизменение воспринятого. Освоение — это не пересаживание чужеродного растения на собственную почву, освоение немыслимо без творчески преобразующей мысли художника, без создания новых ценностей, возникающих в процессе этого освоения. До сих пор отдельные исследователи изучают действие закона взаимосвязей и взаимодействия литератур односторонне. Они ищут параллелизмы в творчестве рассматриваемых писателей, ищут простое совпадение мотивов, сюжетов, характеров, образных ассоциаций, видя именно в этом подлинные образцы взаимодействия! Было бы крайне несправедливо говорить о том, будто вопросы творческого общения разноязычных литератур решаются только в таком плане. Есть отдельные удачные работы, свободные от прямолинейного примитива и схематичности. Изучение литературных связей и взаимодействий становится у нас все более основательным, опирающимся на обилие фактов и наблюдений. Но немало еще статей, в которых вопросы взаимосвязи литератур толкуются односторонне, с досадной поверхностностью.

Взаимодействие и взаимные связи национальных литератур имеют разные исторические ступени. Подражание, заимствование, на наш взгляд, нельзя отнести к плодотворным формам взаимодействия. Подражание, как правило, не имеет следствием возникновения нового качества, создание национально оригинальных художественных ценностей. Но в отдельных случаях подражание или заимствование служили некоторым младописьменным литературам первой подготовительной ступенью на пути восхождения к вершинам национальной художественной самостоятельности. Литература, обладающая внутренней творческой силой, быстро проходит стадию подражания, обретая черты самостоятельности.

На первом этапе развития советской многонациональной литературы во многих литературах шли упорные поиски наиболее действенных реалистических форм изображения социалистической действительности. Жизнь настоятельно требовала весомого, активно «работающего» художественного слова. Взаимная творческая учеба писателей в то время носила как бы ускоренный характер. Она в определенных случаях шла в одном направлении: в некотором преобразении внешних формальных приемов словесного живописания. Так, ступенчатая строка Маяковского признавалась многими чуть ли не единственным средством для передачи динамики революционных бурь и свершений. Ступенчатая строка нередко вводилась в стих наперекор интонационному строю и национальной специфике стихосложения.

По мере возмужания национальных культур литературное взаимодействие выливается в творчески многообразные формы. Расширение сферы взаимодействия сочетается с их углублением, со сложным, органичным освоением и переосмыслением традиций. Легко угадываемые признаки зависимости одной литературы от другой, одного писателя от другого улетучиваются, ибо взаимодействие выступает в роли активного творческого импульса, способствующего обогащению уже развитых и обретших самостоятельный путь развития литератур.

Выявление истоков сходных или однородных явлений в литературах различных стран мира — одна из существенных сторон проблемы взаимных связей. История знает немало примеров, когда близкие сюжетные мотивы, образные представления и т. д. одновременно или разновремененно возникали в литературах различных народов. Буржуазные компаративисты видели в этом факте только лишь процесс заимствования мигрирующих из страны в страну сюжетов. Они считали, что поэтическое творчество вообще ограничено известными определенными формулами, устойчивыми мотивами, которые одно поколение принимает от предыдущего и т. д. Компаративисты ставили вопрос: каждая новая поэтическая эпоха не работает ли над истари завещанными образами, обязательно вращаясь в их границах, позволяя себе лишь новые комбинации старых образов, наполняя их только иным пониманием жизни, иным взглядом на старые культурные ценности! Прогресс культуры усматривался именно в этой ее способности видоизменять старое, наполнять его несколько отличным от старого содержанием.

Марксистско-ленинская литературная наука с совершенно противоположных методологических позиций решает вопрос о возникновении сходных явлений в литературах народов, видя причину этого во вступлении разных стран на сходные ступени общественно-исторического и культурного развития. Есть сюжеты общечеловеческие, словно лишенные национальной определенности. Они национально отличимы по деталям, по конкретным природным, историческим и иным обстоятельствам жизни, но по содержанию, по основной идее эти сюжеты бывают чрезвычайно близки.

При советском общественном строе исторические судьбы народов складываются и развиваются в еще более близких, родственных условиях. Эта близость условий носит качественно новый характер. Она обусловлена единым содержанием общественно-политического и экономического развития советских народов. Определенная близость эстетических форм в советской литературе рождается как результат сознательного, целенаправленного обмена национальными художественными ценностями. Но имеются примеры эстетической схожести, возникшие параллельно — на основе осмысления одних и тех же сторон одной и той же действительности. Сходство при полной творческой самостоятельности.

Чем объяснить поразительную созвучность стихотворений о Ленине Егеше Чаренца с поэмой В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин»? Ча-

ренц неоднократно говорил о восприятии им поэтических традиций Маяковского. Дух смелых, дерзновенных исканий, партийная страстность и масштабность, публицистическая заостренность, желание найти слово «нагое», точное, единственно возможное и нужное — вот эти и другие качества поэзии Маяковского привлекали Чаренца. Он учился у Маяковского умению быть глашатаем и одновременно слугой народа, быть выразителем его дум, его стремлений. Но он выступал не учеником, повторявшим сказанное и добытое его великим современником. Учась у Маяковского, Е. Чаренц шел собственной дорогой, иногда «встречаясь» на этом пути со своим могучим другом.

Вот характерные отрывки из стихотворений Е. Чаренца о Ленине.

Класс
 За веком — век
 пестовал Ильича.
 За веком — век
 собирал соки.
 Даже водовоз из Тибета
 дал мозгу Ильича
 Одну клетку.
 (стихотворение «Ленин», подстрочный перевод).

Или:

Ленин —
 мозг нашего класса,
 Душа нашего класса.
 В каждой частице его
 Струилась кровь нашего класса.
 Каждая мышца его,
 Каждая клетка его —
 Кипела, боролась для класса.
 ...Класс
 Вложил в него все величие свое.
 Он был энергией,
 Волей
 И разумом класса.

(Поэма «Стена коммунаров в Париже», подстрочный перевод).

Невольно возникает параллель со стихотворением Маяковского о Ленине, с его поэмой «Владимир Ильич Ленин». Близость образных ассоциаций у Чаренца и у Маяковского не вызывает сомнений. Напрашивается вывод о несомненном влиянии одного поэта на другого. Так и писали: Чаренц шел от Маяковского, его строфы о Ленине — отзвук соответствующих строф Маяковского. Но реальные явления действительности не согласуются со схемой. Некоторые из стихов Е. Чаренца о Ленине созданы раньше стихов Маяковского. Стоит вспомнить этот немаловажный факт, как схема заимствований рухнет полностью. Было ли вообще заимствование? Маяковский не знал стихотворений Е. Чарен-

ца, написанных на армянском языке, а его собственные стихи не были еще обнародованы. Как быть с очевидной созвучностью мыслей, дум, образных представлений у двух советских поэтов, откуда она берет свое начало? Очевидно, проблема воздействий, проблема освоения литературного опыта имеет несколько сторон, а не одну, легко обнаруживающуюся. А. Салахян — автор исследования о поэзии Чаренца — так и пишет об этом: «Поэты одной и той же эпохи — Маяковский и Чаренц с одинаковых позиций, с позиций коммунистической партийности, с позиций революционного народа осмыслили тему величия ленинских идей, бессмертия ленинского дела. И в поэтические строки прежде всего выкристаллизовывались именно те понятия и образы, которые жили в народном сознании как реальные факты действительности и были поэтому бесспорным и естественным материалом для их творческого усвоения»¹. Е. Чаренц был подлинным творцом, а для подлинного творца учеба всегда есть развитие. Он не просто перенимает опыт другого, механически растворяя его в собственном, а на основе усвоенного создает новые художественные ценности. Подлинный творец учится у своих предшественников или у современников не частным, изолированным поэтическим приемам. Он постигает тайны их видения жизни, воспринимает самый дух, существо их творчества.

Идя такими глубинными путями, писатель избегает простой повторяемости, простого сходства собственного творческого почерка с почерком того, у которого он учился. А. Салахян прав, когда говорит: поэты одной и той же эпохи Маяковский и Чаренц с одинаковых позиций, с позиций коммунистической партийности, с позиций революционного народа осмыслили тему величия ленинских идей, бессмертия ленинского дела. К сказанному следовало бы добавить: Чаренц был близок к Маяковскому и по поэтическим принципам, по некоторым стилевым особенностям своего творчества.

Не только коммунистическая партийность сближала Чаренца с Маяковским, но и самый способ художественного освоения действительности. Глубоко творчески учился Чаренц у Маяковского, целеустремленно и осознанно воспринимая его традиции. Он был духовным сотоварищем Маяковского.

Исследователи все смелее и решительнее отходят от проторенных стезек в вопросах взаимодействия национальных литератур. Но перед ними возникают новые, нелегко преодолимые трудности. Одна из подобных трудностей — правильное определение характера традиций, идущих от творческого опыта большого писателя, и черт, которые обусловлены развитием самой действительности. С этой проблемой сталкиваются многие исследователи, изучающие литературные связи Горького с национальными литературами. Они говорят: творчество Горького так глубоко и всесторонне пронизывает творчество прогрессивных, революци-

¹ А. С а л а х я н, Е. Чаренц. Очерк жизни и поэтического творчества. Ереван, Армянское государственное издательство, 1956, стр. 61.

онных и особенно советских писателей народов Советского Союза, а с другой стороны, оно так тесно связано с русской советской литературой, что мы не в состоянии определить, где кончается влияние Горького и где начинается влияние самой действительности, марксистской идеологии, всей советской литературы.

Правильно ли ограничиваться констатацией всеобъемлющего характера воздействия творчества Горького на других писателей и уверять: мы не в состоянии определить, где кончается влияние Горького и где начинается влияние самой действительности, марксистской идеологии, всей советской литературы! Думается, не совсем правильно. Творчество Горького при его масштабности неповторимо оригинально, глубоко национально. Мы еще не научились говорить о взаимодействии конкретно с убеждающей силой. При более внимательном подходе к объекту исследования вполне возможно отличить традиции, восходящие непосредственно к Горькому, к его воздействию, от общих для всей советской литературы традиций. Наши исследователи призваны серьезнее вникать в сущность дела, не довольствоваться характеристикой одной, «безличной» стороны взаимодействия, взятой слишком общо, а идти вглубь. Взаимодействие литератур во многих случаях рассматривается как обмен идеями, а эстетические результаты взаимодействия изучаются слабо, поверхностно, с такой прямолинейностью, которая не может не вызвать протеста и неудовлетворения.

Есть другие вопросы взаимодействия литератур, которые, к сожалению, еще не привлекли к себе внимания исследователей. В расцвете литератур социалистических наций, несомненно, выдающееся место принадлежит классическому наследству, из живого сокровища которого современные писатели черпают много ценного и прекрасного. Но бурный рост жанров реалистической прозы в литературах Средней Азии и Казахстана, а также появление значительных прозаических произведений в литературах Кабарды, Дагестана и т. д. нельзя объяснить наличием классических традиций. Большинство литератур Средней Азии и Казахстана до советского периода не имело на своем вооружении жанров реалистической прозы, эпического романа или драматургии. В развитии и становлении этих жанров, в закономерностях их формирования важную роль сыграл весь многосторонний опыт советских национальных литератур, коллективный художественный опыт. Освоение лучших и различных сторон этого опыта помогло литературам, не имевшим в прошлом больших традиций реалистической прозы, возмужать в сравнительно короткое время, стать на уровень высших достижений современной литературы. Многие значительные произведения последних лет: «Абай» М. Ауэзова, «Пробужденный край» Г. Мусрепова, «Караганда» Г. Муштафина, «Школа жизни» С. Муканова, «Сильнее бури» Ш. Рашидова, «Сестры» А. Мухтара, «Священная кровь» Айбека, «Люди наших дней» Т. Сыдыкбекова, «Небит-Даг» Б. Кербабаева, «Весна Софийт» А. Шогенцукова могли быть созданы только в условиях многонационального социалистического государства, благодаря тому, что советские народы

щедро делятся друг с другом богатствами своих культур. Эта связь национальных культур рождает в них неведомые дотоле творческие силы и возможности, новые краски. В перечисленных нами произведениях в каждом отдельном случае, возможно, и нельзя обнаружить ясно различимых следов того или иного конкретного «влияния». Не обязательно искать и находить их. Но если сопоставить путь движения этих литератур в советский период со всем процессом их предшествующего развития, то легко убедиться: новое, столь стремительно возникшее и развившееся в литературах народов СССР, не могло появиться раньше. Мыслимо ли было в других условиях создание большого количества крупнейших прозаических произведений, укрепление трудоемкого жанра — романа за столь короткое время почти одновременно во многих национальных литературах? История не знает аналогичных примеров. Секрет подобного явления следует искать прежде всего в содержании нашего общественного строя, в новом характере взаимосвязей и взаимообогащений культур в условиях социалистического общества. В речи на митинге трудящихся города Владивостока 6 октября 1959 г. Н. С. Хрущев указывал: «Все народы способны успешно развивать свою экономику и культуру, если им будут созданы нормальные условия, позволяющие свободно трудиться и проявить свои таланты. Дело не в том, что мы — русские, украинцы, белорусы, казахи, узбеки, грузины, армяне, народы Средней Азии и Прибалтики, Юга и Севера нашего Советского Союза — обладаем какими-то исключительными способностями. Дело в том, что именно наш советский строй, социалистический строй создает такие условия для народа, при которых он может полностью развернуть свои творческие силы и показать, на что способен свободный человек, не знающий гнета эксплуатации и являющийся подлинным хозяином своей страны. Успехи Советского Союза — яркая демонстрация преимущества социалистического строя перед капитализмом»².

Новый характер взаимосвязей и взаимообщения литератур состоит прежде всего в том, что благодаря победам коммунистического строительства в Советской стране и строительству социализма в странах народной демократии необычайно расширилось содержание взаимных общений, резко увеличилось количество взаимообщающихся и взаимодействующих литератур. Международный обмен художественными ценностями приобрел интенсивный, поистине всеобъемлющий характер. Все более прочно утверждающаяся в сознании народов мира идея мирного сосуществования благоприятствует их сближению, усилению их взаимопонимания. В результате огромных перемен, происшедших в международной обстановке, благодаря самоотверженным, мудрым усилиям Коммунистической партии и Советского правительства у народов мира появилось властное желание лучше узнать друг друга, сломать лед отчуждения и взаимного недоверия. Важнейшую роль в этом взаимном ознакомлении призвана играть и играет художественная литература. Рас-

² «Правда», 1959, 8 октября.

ширение фронта культурных и литературных контактов связано с наступлением новой фазы в мировой истории. Идейное единство взаимообщающихся социалистических литератур способствует их сплочению в единую мировую социалистическую культуру. Эстетические формы каждой из национальных литератур, не утрачивая самобытности, национальных красок и изучения в процессе широчайшего и свободного взаимного общения, подвергаются определенному преобразованию. Рядом с исторически сложившимися традициями в них появляются новые традиции, вызванные к жизни самой действительностью и эстетически окрепшие благодаря взаимодействию идейно солидарных национальных культур. Долг исследователей, не впадая в национальный нигилизм и упрощения, изучить особенности этого процесса, выявить его закономерности.

Существуют различные формы взаимосвязей и взаимодействий. Проблема взаимодействий не сводится, конечно, только к близости языковой, исторической или этнографической. В условиях Советского Союза сфера взаимосвязей национальных культур неизмеримо расширилась. Отдельные литературы, в исторических судьбах которых в прошлом не было сходных черт, подвергаются взаимному воздействию как органические участники общесоветского литературного процесса. Здесь вступает в силу такой существенный фактор, как переводы лучших творений национальных литератур на русский язык, который служит языком межнационального общения и выводит эти литературы на международную арену, как переводы произведений писателей братских народов на национальные языки и т. д. Литературы всех советских народов вовлекаются в общее движение. Учитывая особенности литературного процесса в Советском Союзе, можно смело сказать: нет ни одной советской национальной литературы, которая не была бы связана множеством духовных нитей со всеми другими советскими национальными литературами, нет ни одной литературы, в опыт которой в той или иной мере не входил бы опыт и других народов, отдаленных территориальными границами, характером национальных традиций, строем языка и т. д.

Мне могут возразить, что при такой постановке вопроса с взаимодействиями литератур становится неуловимой, трудно распознаваемой. С первого взгляда, возможно, это так и есть. В данном случае не поставишь излюбленных столбов со стрелками, указывающими направление воздействия или влияния. Мы, к сожалению, привыкли рассматривать взаимосвязи литератур узко, не учитывая поистине универсального содержания взаимных связей советских литератур, различнейших форм, сторон, ступеней этого взаимодействия. Власть схемы, сводящей взаимодействие лишь к легко разгадываемой похожести или повторяемости, довлеет над нами, закрывая от нас другие стороны этой проблемы — одной из самых сложных и мало изученных.

Взаимодействие национальных литератур не сводится к прямому усвоению одной литературой эстетических богатств, накопленных в других литературах. В некоторых случаях общезначимое явление, происшедшее в одной какой-либо национальной литературе, выступает в роли

возбудителя, вызывающего как бы ответную, но по эстетическому своеобразию своему совсем другую волну в других литературах.

Национально-коренные некоторые исследователи видят лишь в исторически сложившихся, устоявшихся формах, не уясняя того, что под воздействием новых общественных отношений создаются и новые национальные традиции. Национально не только то, что было, но и то, что становится и естественно вырастает из жизни советских народов в социалистических условиях.

Тесная связь литературы с жизнью подразумевает не только превосходное знание всего того, что делается у тебя в республике, но и знание жизни других народов. Без этого масштаб наблюдений, масштаб представлений писателя о действительности не будет полным. С расширением идейного кругозора писателя расширяется и тематический диапазон его творчества, возрастает глубина видения действительности. Советский писатель чувствует себя ответственным за судьбы мира, за судьбы всего человечества. Он выступает убежденным поборником единства всех народов земного шара против опасностей новой войны, против колониального рабства и разжигания национальной розни и ненависти. Тема дружбы народов, тема интернациональной солидарности трудящихся разных стран, тема борьбы народов колониальных и зависимых стран против империализма мощно и живо вошла в наши национальные литературы. Интернациональное единство людей — это не только одна из важнейших тем советской литературы. Пролетарский интернационализм — самая сущность ее, та ее идейная и партийная позиция, с высоты которой советская литература рассматривала и рассматривает проблемы социальной жизни и борьбы, проблемы человеческого счастья. Взаимная связь литератур продиктована интересами наших литературных судеб, нашего настоящего и будущего развития. Это не только целесообразно и желательно, но насущно необходимо. Приобщение к жизни, культуре других народов обогащает художника, способствует росту его таланта, расширению и углублению его мировоззрения, укреплению идейных основ его творчества.

Национальные художники слова не только учатся у великой русской литературы, но и вносят свою дань в ее развитие. Творческий опыт Джамбула, Стальского, Я. Купалы, Я. Коласа, А. Кулешова, А. Корнейчука, О. Гончара, Н. Бажана, С. Вургуна, Г. Гуляма, Е. Чаренца, А. Исаакяна, И. Абашидзе, Г. Леонидзе, С. Чиковани, С. Нерис и других имел и имеет немалое значение для русской советской литературы. Это в высшей степени примечательное явление — обратное воздействие нерусских национальных литератур на русскую, пока почти не рассмотрено нашими исследователями. Мы отнюдь не претендуем в какой-либо степени решить эту трудоемкую проблему. Сошлемся лишь на два характерных примера из русской советской литературы. Близкое знакомство Н. Тихонова с историей и жизнью современной Грузии, с богатой грузинской поэзией открыло в таланте Н. Тихонова новые горизонты. Исследователи его поэзии правомерно признают цикл стихов о Кахетии, появивших-

5-6. Известия — 5

ся в 1935 г., значительной вехой в творчестве поэта, новой, более высокой ступенью его художественной зрелости. Стихи о Кахетии, в особенности «Ночной праздник в Алла-Верди» и «Цинандали», отмечены характерной для Н. Тихонова душевной широтой, щедрой, бьющей из чистых народных источников непосредственностью, афористичностью, радостным восприятием мира. Грузинская поэзия — одна из живописных, пластичных национальных поэзий, в которой философские раздумья, глубина исторического мышления слита с радужной изобретательностью, с романтической крылатостью. Романтическая струя с самого начала отчетливо билась в творчестве Н. Тихонова. Она неудержимо ворвалась в цикл его стихов — «Орда» и «Брага», созданных в начале 20-х годов. Связь с грузинской поэзией укрепила и по-новому развила романтические черты поэзии Н. Тихонова. Романтизм Н. Тихонова, неприкосновенно сохранив высокий гражданский и революционный пафос, приобрел одновременно сердечную простоту. Ранняя романтика мысли и поступка развилась в романтику жизнедеяния, в романтику утверждения земного, человеческого простого и тем самым необыкновенного. На формирование этих качеств художественного мышления поэта немалое и благотворное воздействие оказало его знакомство с традициями классической и современной грузинской поэзии. Общение с культурой братского грузинского народа, глубокое, творческое, оказалось весьма полезным для Н. Тихонова.

Примечательна судьба другого крупного русского советского поэта — В. Луговского. Переломным этапом в его творчестве считаются 30-е годы, когда В. Луговской в составе бригады русских писателей долгое время находился в Средней Азии. Здесь перед поэтом открылась новая действительность, открылась картина созидания нового мира, новых человеческих отношений, рождавшихся в крови и схватке с врагом, в героических буднях. В книге «Большевикам пустыни и весны» В. Луговской, по справедливому замечанию П. Антокольского, впервые лепит характерные фигуры; они действуют, движутся, говорят свойственным им живым языком, сообщают автору сведения о себе и о своей стране. Поэта поразила грандиозность совершающихся процессов, его увлекли люди, напряженность и интенсивность их духовной жизни, их самоотверженность и цельность, их величие и простота.

Новизна увиденного заставила поэта отказаться от камерности, от смутных и случайных ощущений, от витиеватого, нарочито усложненного метафоризма, дававших знать о себе в его прежних стихотворениях. Оригинально переосмысливая традиции восточной литературы, «сопрягая» их с новыми формами жизни, поэт создает интересные образы, наполненные философской мыслью.

Проблема взаимодействия и взаимосвязей национальных литератур — сложная, чрезвычайно трудная проблема, требующая от исследователей мудрого такта, тонкости, эстетической прозорливости. Ее решение — дело коллективных усилий критиков и литературоведов.